

A romantic couple embracing at sunset. The man, with a beard and short dark hair, wears a white button-down shirt. The woman, with long blonde hair, wears a red spaghetti-strap dress. They are outdoors, with a town and hills visible in the background under a warm, golden sky.

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

100 кл

18+

# ЖЕЛАНИЯ

ОЛЬГА ДАШКОВА

# Ольга Дашкова

## 100 килограмм Желания

<https://litres.ru/74342058>

SelfPub; 2026

### Аннотация

Меня бросил жених за неделю до свадьбы.

Сказал, что я толстая и фригидная.

Не стала спорить, отменила свадьбу и улетела в Италию на виллу, которую мы бронировали для медового месяца. Одна.

Я не искала любви. Я искала себя – ту, которую где-то потеряла за годы правильных решений и чужих ожиданий.

Но Италия играет по своим правилам.

Ветер срывает платки. Незнакомцы их возвращают.

И иногда один взгляд темных янтарных глаз делает с тобой то, чего не делал никто и никогда.

Франческо Руссо смотрел на меня так, словно видел насквозь, каждый килограмм боль.

И не отводил взгляда. Я боялась поверить, что такие мужчины существуют.

Я умею строить бизнес, держать удар и не плакать при людях.

Но верить, что я могу быть желанной.

Этому мне еще только предстояло научиться.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 4  |
| Глава 2                           | 12 |
| Глава 3                           | 18 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 19 |

# Ольга Дашкова

## 100 килограмм Желания

### Глава 1

Стоя на широкой террасе виллы, которую мы с Романом бронировали полгода назад для нашего медового месяца, я пила просекко прямо из горлышка бутылки.

Без бокала. Без тостов. Без жениха.

Ветер с Тирренского моря бил в лицо, трепал волосы и норовил сорвать с плеч тонкий шелковый платок с маками – мамин подарок, которому уже лет пять, и который я не надевала никогда.

Зачем взяла, сама не знаю. Просто лежал сверху в чемодане, когда я собиралась в три часа ночи, швыряя вещи без разбора.

Эта вилла должна была стать началом нашей новой жизни. Здесь мы планировали просыпаться под шум волн, пить кофе на террасе и обсуждать, как будем называть первого ребенка.

Роман хотел назвать сына Максимом. Я была против, слишком обычное, говорила я, давай что-нибудь со смыслом. Мы спорили об этом в постели, смеялись, и я думала: вот оно. Вот *мое*.

А вместо этого я прилетела сюда одна. Не отменила ни единого дня брони. Заплатила полную сумму и села в самолет, потому что если бы я осталась в нашей квартире, среди наших вещей, среди нашего запланированного будущего, я бы просто разбилась вдребезги.

По-настоящему. В мелкие, острые куски.

Сделала большой глоток и поставила бутылку на каменные перила. Солнце уже почти утонуло в море, оставив после себя кроваво-оранжевую полосу. Красиво. До тошноты красиво.

Мне хотелось кричать на это море, на это небо, на всю эту итальянскую идиллию, которой было совершенно наплевать на то, что у меня неделю назад разлетелась жизнь.

\*\*\*

За неделю до свадьбы Роман пришел домой и сказал, что «передумал».

Не просто передумал, он вывалил на меня все, что, видимо, копил годами. Стоял посреди гостиной, засунув руки в карманы брюк, и говорил так спокойно, будто читал вслух какой-то документ.

Без злости. Без слез. Без единой трещины в голосе, что было хуже всего.

— Ты стала холодной, Полина. Фригидной. Я мужчина, мне нужно, чтобы меня хотели по-настоящему. А ты... ты вся в своей работе, в своих прачечных, в своих цифрах. Ты давно уже живешь рядом со мной, но не со мной. И посмотри на

себя, ты поправилась на пятнадцать килограммов, я не могу с этим жить.

Тогда я не заплакала. Даже не почувствовала ничего сразу, только странную, ватную пустоту. Стояла и смотрела на него, как на чужого.

На человека, которого, оказывается, совсем не знала, или знала, но не хотела видеть. Потому что любовь умеет закрывать глаза на все, что неудобно.

Потом очень спокойно ответила, потому что не собиралась устраивать истерики, умолять, падать к ногам и просить, чтобы он меня не бросал. Потому что у меня есть гордость и самолюбие, есть то чего не вытравить ничем.

– Тогда не живи.

Он ушел, хлопнув дверью так, что задрожали стекла. А я осталась стоять посреди гостиной и слушала, как звенит тишина после захлопнутой двери.

Потом медленно опустилась на диван, мозг методично перебирал: ЗАГС, ресторан, платье, гости, билеты, вилла. Все нужно было отменить, всем нужно было позвонить, всем объяснить.

Объяснить что? Что он сказал вслух, стоя в нашей гостиной, что я фригидная и слишком толстая, чтобы быть его женой?

Я не стала отменять свадьбу сразу, сначала просто сидела и молчала. Долго молчала, потом пошла в ЗАГС и забрала заявление. Девушка за стойкой смотрела на меня с таким от-

кровенным жалостливым любопытством, что я широко, почти весело улыбнулась ей, только чтобы не дать ей этого удовольствия.

Потом вернулась домой, открыла ноутбук. И вместо того чтобы начать обзванивать гостей, зашла на сайт виллы и нажала «оплатить».

Пусть. Пусть все лучшее будет именно сейчас. Пусть хоть что-то в этой истории будет красивым.

\*\*\*

Таксист вез меня по серпантину, и я смотрела в окно на бирюзовые провалы между скалами, на лодки у причалов, на апельсиновые деревья прямо над обрывом. Мир был чудовищно красив и совершенно равнодушен.

Горы стоят. Море синее. Лимоны зреют. И всему этому нет никакого дела до Полины Морозовой и ее острых обломков из слов бывшего жениха.

Вилла оказалась именно такой, какой была на фотографиях. Белые стены, терракотовая черепица, терраса с перилами, увитыми глицинией. С террасы был вид на море. Бесконечный, тупо прекрасный, совершенно бессердечный вид как заставка на экране монитора.

Теперь я здесь. Одна. Сто три килограмма боли, ярости и решимости быть счастливой сквозь боль и слезы.

Провела ладонью по животу, по бедрам, по тяжелой груди. Тело было моим. Только моим. И я не собиралась его стыдиться только потому, что какому-то человеку оно вдруг

перестало нравиться.

Потому что на самом деле, я знала это, знала, что дело было не в килограммах. Дело было в том, что он давно уже смотрел сквозь меня. А килограммы, это просто удобная причина, которую можно произнести вслух.

А фригидность? Ну, вот тут было обидно, потому что в том, что я якобы стала такой виноват только он, виноват мужчина. Женщина и будет с таким, который ее не хочет.

– Ну что, Полина Михайловна, – произнесла вслух, обращаясь к морю. Голос прозвучал твердо. Тверже, чем я ожидала. – Будем жить дальше?

Я не робкая девочка и никогда ею не была. С двадцати лет я сама подняла сеть прачечных самообслуживания, с нуля, без инвесторов, без богатых родителей, без чужой спины за своей.

Я работала по двадцать часов в сутки, спала по четыре, училась на ходу. Строила бизнес, когда все вокруг говорили, что девушке это не по силам. Выстояла, когда мама тяжело болела. Выстояла, когда приходилось брать кредиты под бешеные проценты. Выстояла, когда все советовали «найти нормального мужика и не мучиться».

Нашла, называется *«нормальный мужик»*. И вот чем это кончилось. И как понять, что он, именно тот и нормальный?

Сделала еще один глоток и вытерла губы тыльной стороной ладони.

Ветер усилился, шелковый платок сорвался с моих плеч и



полетел вниз, к обрыву, так стремительно, как будто только и ждал этого момента. Я даже не попыталась его поймать, смотрела, как он кружится в воздухе, алые маки на белом шелке, мамина вещь, пять лет пролежавшая в ящике. Пусть летит. Все равно.

Закрыла глаза и глубоко вдохнула солью, нагретым камнем, цветами, которые росли где-то внизу по склону.

– Пусть будет больно, – прошептала. – Но я не сломаюсь. Я здесь не для того, чтобы себя жалеть. Я здесь для того, чтобы жить.

В этот момент я услышала шаги за спиной, резко обернулась. На террасе стоял мужчина. Высокий настолько, что мне пришлось чуть запрокинуть голову. Темные волосы, резкие скулы, глаза цвета темного янтаря, теплые даже в сумерках. В руках он держал мой платок.

– Buonasera, – голос был низкий, с едва заметным акцентом. – Кажется, это ваше.

Он протянул мне платок, шелк был теплым от его рук. Я взяла, не отводя взгляда, и почему-то вдруг почувствовала, как у меня чуть сжало горло, не от горя, нет. От чего-то другого... неожиданного.

– Спасибо.

Он улыбнулся только уголком губ. А потом его взгляд медленно, очень открыто прошелся по мне. По лицу, по плечам, по груди, по бедрам. Не нагло, но и не скрываясь. Так смотрят, когда действительно видят. Когда не сравнивают и

не оценивают, а просто смотрят.

После Романа я успела забыть, что так вообще бывает.

– Франческо Руссо, – представился он. – Я живу в соседней вилле.

– Полина Морозова, – выпрямилась. – А я... просто здесь.

Он кивнул так, будто понял гораздо больше, чем я сказала. Будто прочитал все между словами и не стал задавать лишних вопросов.

– Добро пожаловать в Италию, Полина. Если вам вдруг понадобится помощь... или просто компания... я рядом.

Хотела ответить что-то колкое, отшить его, сказать, что мне никто не нужен, что я приехала сюда именно за одиночеством, что у меня нет ни малейшего желания ни в чем участвовать. Но вместо этого вдруг улыбнулась, впервые за все эти дни по-настоящему.

– Посмотрим, Франческо.

Он еще раз долго, без спешки посмотрел на меня и ушел, шаги стихли за поворотом.

Я осталась стоять на террасе, сжимая в руках платок, который принес мне незнакомец. Сердце билось сильно и неровно, совсем не так, как оно билось рядом с Романом в последние месяцы. Тогда оно вообще почти не билось.

Я не знала, что будет дальше, не строила планов, не загадывала, не разрешала себе ничего. Просто стояла и впервые за очень долгое время чувствовала, что что-то начинается.

Море темнело внизу, первые звезды проступали над гори-

зонтом. Я снова накинула платок на плечи и крепко его держала.

– Франческо,— повторила медленно имя мужчины, смакуя каждую букву и улыбнулась.

## Глава 2

Утро в Италии начинается иначе, чем в большом мегаполисе.

В Москве утро – это будильник, который ты отключаешь три раза, потом четвертый раз уже с ненавистью. Это пробки на дорогах, кофе в бумажном стакане, который остывает раньше, чем ты до него добираться. Это ощущение, что день уже начался без тебя и ты догоняешь его на ходу.

Здесь утро – это свет. Сначала просто светло, потом очень светло, потом невыносимо, роскошно, бесстыдно светло.

Солнце лезет в щели между ставнями и рисует на полу золотые полосы. Где-то внизу, на скале, кричат чайки. Пахнет морем и еще чем-то сладким, то ли глициния под окном, то ли соседи уже варят кофе, то ли Италия просто так пахнет по утрам, и я всю жизнь прожила, не зная об этом.

Вышла на пляж около девяти, он был маленький, почти карманный. Узкая полоса темного вулканического песка между двумя скалами, добраться можно только по деревянной лестнице от виллы, туристы сюда не доходили. Я расстелила полотенце, надела солнечные очки и твердо решила ни о чем не думать.

Думала, конечно. О Романе, л его лице в тот вечер. Спокойном лице, почти скучающем. О том, как он произнес слово «фригидная» таким будничным тоном, как будто говорил

о погоде.

– Buongiorno.

Подняла голову. Франческо стоял в нескольких метрах от меня в черных шортах, с полотенцем через плечо и двумя маленькими стаканчиками кофе в руках. Босиком на темном песке, с мокрыми после купания волосами.

– Вы уже плавали? – спросила, потому что надо было хоть что-то спросить или сказать, потому что я могла просто пялиться на него. А пялиться было на что.

– В семь утра, – он опустил рядом, протянул мне стаканчик. – Espresso. Если не хотите, то не берите, я не обижусь.

Я взяла, кофе был горячий, густой и такой крепкий, что на секунду перехватило дыхание. Настоящий кофе.

– Спасибо, – сказала, снова надела очки, давая понять, что разговор окончен. Рядом с этим мужчинам кажется, даже море кипит, что уж говорить о брошенной фригидной женщине.

Он не ушел, сел рядом, вытянул длинные ноги и уставился в море с таким видом, будто у него вся вечность впереди. Меня это немного раздражало, это итальянское умение никуда не торопиться, быть просто там, где ты есть, без тревоги и без повестки дня. В Москве такой человек казался бы подозрительным.

– Вы давно знаете русский? – спросила, наконец, молчание почему-то давило сильнее, чем разговор.

– С детства, – он чуть повернул голову. – Моя прабабушка

была русской, из Петербурга. Она вышла замуж за итальянца в тридцать восьмом году и уехала, и всю жизнь говорила, что не простит себе этого. Всю жизнь тосковала по снегу.

– По снегу?

– По снегу. По запаху снега, она говорила, – он улыбнулся, а у меня готово было выпрыгнуть сердце, это была улыбка искусителя. – Я в детстве не понимал. Потом учился в Москве, в архитектурном, пять лет, тогда понял, не снег, нет. Что-то другое, воздух, может быть, или люди.

– Что – люди?

Он посмотрел на меня. Янтарные глаза, прямой взгляд, такой, от которого неловко, потому что кажется, что тебя видят насквозь.

– Русские люди умеют быть настоящими, – сказал просто. – Когда перестают притворяться. Это редкость.

Я не нашлась что ответить. Отвернулась к морю. Мы помолчали. Волны накатывали на темный песок, ленивые, сытые, теплые. Лодка с красным парусом медленно ползла вдоль горизонта. Где-то высоко над скалами ласточки чертили воздух острыми крыльями.

– Вы здесь одна?

– Да.

– Хорошо.

Я повернулась к нему.

– Что значит – хорошо?

– Значит, вам никто не мешает быть там, где вы хотите

быть, — он пожал плечом. — Это хорошо.

Прищурилась. Он не пытался вытащить из меня историю, не проявлял того раздражающего светского сочувствия, которое на самом деле просто любопытство. Просто сказал «хорошо» и все, принял как факт.

— Вы архитектор?

— Да. Реставрация. Здесь, в Амальфи, я работаю с одной старой церковью — восемнадцатый век, трещины в своде, — произнес это так, как говорят о чем-то живом. — Красивая работа. Медленная.

— Вы любите медленное?

— Я люблю настоящее, — ответил. — Настоящее всегда медленное.

Я не знала, что с этим делать. Роман никогда не говорил такими фразами. Роман говорил о рентабельности, о трендах, о том, что «время — деньги». Этот итальянец с русской прабабушкой сидел на темном песке, смотрел на море и рассуждал о настоящем и это не звучало пошло. Это звучало как правда.

Мужчина вдруг повернулся ко мне, без предупреждения.

— *Hai gli occhi più onesti che abbia mai visto*, — сказал он негромко.

— Что это значит?

— У вас самые честные глаза, которые я когда-либо видел.

Почувствовала, как по спине идет что-то теплое, но не от солнца, от голоса, от того, как итальянские слова мягко,

неторопливо перекатились у него во рту, как галька в прибое.

– Вы так говорите всем.

– Нет. – Франческо не улыбнулся, не смутился. – Не всем. Встала, начала собирать полотенце.

– Полина.

– Что?

– Поужинайте со мной сегодня.

– Нет, спасибо.

– Почему?

Потому что я приехала сюда не за этим. Потому что от тебя за километр веет чем-то, с чем я не умею справляться. Потому что ты смотришь на меня так, как будто я – человек, а не проблема, которую нужно решить, и это почему-то пугает меня больше всего остального. А еще раз разбить то, что уже разбить я не хочу.

– Просто нет, – все, что я могла сказать.

Поднялась по лестнице, не оглядываясь. Уже наверху, у перил, все-таки посмотрела вниз. Он сидел на том же месте, смотрел в море. Не смотрел мне вслед и это было, как ни странно, обиднее, чем если бы смотрел.

Вечером я сидела на террасе с книгой, которую не читала. Следила за тем, как гаснет закат, снизу, из деревни, доносились музыка, что-то медленное, гитара и чей-то голос.

Я думала о янтарных глазах Франческо. О том, как итальянские слова звучат иначе, чем любые другие, будто спе-



циально созданы для того, чтобы произносить их вполголоса, близко.

*Hai gli occhi più onesti che abbia mai visto.*

Я не знала итальянского. Но когда он это сказал, я поняла раньше, чем он перевел. Не слова, что-то другое. Закрывает книгу и долго смотрела на темное море. Потом пошла спать, но долго лежала с открытыми глазами.

Никаких мужчин,— сказала я себе снова.

Но голос звучал уже не так убедительно, как накануне.

## Глава 3

Я все-таки согласилась.

Сказала себе, что это просто ужин и ничего больше. Два человека, еда, вино, вежливое «спасибо, было приятно» и разойтись. Я даже репетировала это в голове, пока укладывала волосы.

Но когда надевала красное платье, которое купила дома специально для медового месяца, я уже понимала, что обманываю себя. Красное платье не надевают на «просто ужин». Красное платье надевают, когда хотят, чтобы на тебя смотрели.

Я хотела, чтобы он смотрел. И это меня начинало немного пугать.

Ф

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.